

УДК 009:168.522

**METANARRATIVES IN THE METAMODERN
МЕТАНАРРАТИВЫ В МЕТАМОДЕРНЕ****Afanasiev O.I. / Афанасьев А.И.***d.f.s., prof. / д.ф.н., проф.**National University "Odesa Polytechnic", Odessa, Shevchenko, 1, 65044**Национальный университет «Одесская политехника», Одесса, 1, 65044***Vasilenko I. L. / Василенко И.Л.***s.f.s., as.prof. / к.ф.н., доц.**University of Intelligent Technologies and Communications, Odessa, Kuznechna 1, 65020**Государственный университет интеллектуальных технологий и связи,**Одесса, ул. Кузнечная 1, 65020*

Аннотация. В работе рассматривается предложенная метамодерном идея возрождения метанарративов, что в целом означает возвращение к общечеловеческим ценностям, провозглашенным еще модерном и осмеянным постмодернистской иронией. Однако метанарративы могут воплощать не только общечеловеческие ценности, но и идеологические мифотворческие практики, которым нужно поставить надежный заслон.

Ключевые слова: метамодерн, метанарративы, ценности, мифы.

Вступление.

На рубеже XX и XXI веков заговорили о завершении эпохи постмодерна. В последние годы этот мотив звучит все чаще [1]. Как известно, свято место пусто не бывает, и для нового состояния культуры придуман соответствующий термин - «метамодерн». Данное понятие фактически объединило другие названия для подмеченной тенденции: гипермодерн (Ж. Липовецкий, М.Оже), альтермодерн (Н. Буррио), трансмодерн (Э. Дуссель), диджимодерн и пр. [7]. В то же время, распространить указанный термин на всю современную культуру или, как минимум, на искусство вряд ли возможно. Очевидно, что некоторые культурные тенденции, особенно в живописи и литературе, этим термином зафиксированы, но имеют ли они достаточное распространение сейчас и утвердятся ли в будущем весьма спорно. К тому же, не сформировалось устойчивого философского течения под именем «метамодерн», что могло бы составить надежную базу новым тенденциям. Да и те новации, которые относят к метамодерну, лишь небольшая часть поля современного искусства, где присутствуют чуть ли не все разнообразие идей и мотивов, существовавших в истории культуры. Тем не менее, феномен метамодерна зафиксирован и требуется его осмысление, прежде всего, относительно провозглашаемых ценностей, именуемых порой метанарративами. Последнее обстоятельство обусловило цель статьи.

Основной текст.

Современные технические и технологические возможности подачи информации существенно влияют на восприятие мира, порождая, среди прочего, отставание рационального от чувственного, рефлексивного от интуитивного, целостного от фрагментарного, объяснительного от описательного. По-видимому, не случайно голландцы Т. Вермюлен и Р. Ван

ден Аккер, опубликовавшие в 2010 году свои «Заметки о метамодернизме», назвали свой текст заметками. Они не претендовали на создание основательной философской доктрины. Скорее, это были в некотором роде картинки, перечень интуиций, описание ощущений с минимумом анализа и аргументации. Здесь сказались не только клиповость мышления и мироощущения, ставшая характерной чертой современного освоения мира, но и преобладание фрагментарного, эмоционального отношения к неустоявшейся тенденции. Впрочем, и более поздние попытки авторов нарастить аргументацию, в том числе философскую, нельзя назвать вполне удавшимися [4].

И все же, метамодерн представляет собой весьма интересный феномен. Пусть даже это не столько философия или теоретическое течение в культуре, сколько мироощущение определенного количества деятелей искусства, которые пытаются его как-то осмыслить, выразить и отличить от других мироощущений и мировоззрений, в частности от постмодерна.

Метамодерн явно противостоит ценностям постмодерна, которые, как порой утверждают, представляют собой отказ от ценностей. Точности ради отметим, что от ценностей отказаться невозможно, они основа любого отношения человека к чему угодно, хотя нередко неосознанная. Поэтому постмодерн, скорее, отвергал ценности модерна, возводя свои идеи, например, жестокую иронию, сарказм, цинизм, деконструкцию в высшую ценность.

К слову, деконструкция постмодерна может заканчиваться разрушением, но может вести и к созиданию. Убедительным примером последнего служит «Имя розы» У.Эко, представляющая собой деконструкцию классического детектива, приведшую, в результате, к шедевру [3].

Тем не менее, искусство, именуемое себя метамодерном, стремится к реконструкции, к возрождению дискурса, великих повествований, например, возрождению мифа [9]. Правда, возрождение происходит своеобразно. Это скорее погружение в изображение современных ситуаций мифических образов и сюжетов, как, например, на полотнах американского художника Адама Миллера. Пересечение экологических, гуманитарных тем с мифическими образами заставляет чувствовать, переживать и осмыслять, в частности, хрупкость жизни в современных условиях. Фантастические, вымышленные образы, персонажи, сюжеты скрывают или, напротив, выпячивают, но в любом случае подразумевают глубокие нравственные ценности. Своеобразная переключка эпох, когда лица и тела персонажей, и даже их бижутерия современные, а одеяния античные, предполагают и переключку моральных ценностей, преходящих и непреходящих. Подобный подход в творчестве можно обозначить, как своеобразное высвобождение гуманности, человечности, вообще общечеловеческих ценностей из-под пресса постмодернистской тотальной иронии, поскольку ироничность сочетания современности и древности вовсе не читается как ироническая насмешка. Напротив, предполагается своеобразная искренность, честность, отсутствие особых иносказаний.

Полотна А.Миллера, как, впрочем, и произведения других художников, относимых к метамодерну, особенно явно пронизаны нарративами и

метанарративами. Присутствие нарратива в живописных полотнах во многом аналогично нарративности фотографий [2], но, разумеется, имеет свои особенности. Главная из которых состоит в том, что живописные полотна, в отличие от фотоизображений, как правило, не претендуют на достоверность. Примером могут служить мифологические сюжеты Караваджо, как и его современных последователей, скажем, упоминавшегося выше Адама Миллера.

На первый взгляд, рассмотрение художественного полотна как нарратива кажется странным, ведь изображение, в отличие от литературного произведения, где нарративы безраздельно господствуют, показывает, а не рассказывает. Даже когда картина подразумевает динамику, или специальными приемами демонстрируется смена состояний изображаемого объекта, то и тогда, вроде бы присутствует показ, а не рассказ. Так фиксирует изображение неискушенный, неподготовленный зритель: вижу какой-то пейзаж, чей-то портрет, некоторое событие. В подобных случаях присутствует так называемый преднарратив, который в тех или иных обстоятельствах может оформиться в развернутый нарратив. В частности, зрителю могли бы рассказать об авторском замысле, смысле художественного произведения и многое другое, развернув перед ним определенный нарратив.

Однако, как правило, зритель, особенно подготовленный, все-таки читает изображение именно как текст со своим определенным замыслом, целью, сюжетом и прочими атрибутами повествования. Более того, преднарратив, как и зрительский или авторский нарратив могут быть развернуты в большие нарративы, которые в литературе именуются гранднарративами или метанарративами [5] и отражает общие или даже всеобщие мировоззренческие, идеологические и прочие идеалы и ценности.

Обычно же в восприятии художественного изображения наличествуют, как минимум, два относительно небольших нарратива, которые можно назвать мининарративами. Первый потенциально «свернут» в самой картине, как авторский замысел с определенным содержанием и целью, а нередко даже независимо от автора, поскольку то, что получается не всегда тождественно замыслу, но разворачивается в зрительской (читательской) интерпретации. Таких интерпретаций может быть очень много. Разные зрители, в разные эпохи находят многообразные особенности тех или иных полотен.

Второй присутствует в конкретном замысле автора, как он его понимает и интерпретирует, или вообще в его творчестве и разворачивается авторским пояснением или анализом биографов-критиков, чьи тексты помогают зрителям-читателям осмысливать живописные произведения.

Общеизвестно, что художественные полотна не только нечто изображают, но и представляют самого автора и могут многое рассказать о его личности и индивидуальности, о его внутреннем мире, уровне интеллекта, ценностных ориентациях и пр. А если учесть множество интерпретаций, то таких нарративов будет много. Но в бесконечность их количество не уходит, поскольку все они «вертятся» вокруг указанных двух основных нарративов. Последние, в свою очередь, могут быть близкими и восприниматься как один нарратив, а могут быть весьма разными, если полотно приобретает

самостоятельный смысл, независимый от конкретного авторского замысла, и в этом отношении «проживать» самостоятельную жизнь, хотя все равно что-то говорит и об авторе.

Нарратив авторского замысла, как и зрительский нарратив-интерпретация, обязательно увязан на социально-культурные особенности данной эпохи в авторском или зрительском понимании и может быть развернут как своеобразный метанарратив или ограничиться конкретным замыслом и локальной интерпретацией, реализовавшись в мининарративе, за которым все равно угадывается метанарратив эпохи.

В вышеприведенном примере с творчеством А.Миллера легко угадывается метанарратив глобальных экологических вызовов, с которыми незащищенному человеку неизвестно как справляться, разве что не замечать их вовсе.

Тут важно подчеркнуть, что метамодерн как раз и предполагает возрождение тех метанарративов гуманности, человечности, разумности, нравственности, эстетичности, которые были свойственны модерну и против которых ополчился постмодерн.

Порой изображение объекта вызывает больше эмоций, чем реальный объект. Реальность привычна и обыденна, в ней редко ощущается проблемность. Значение выдающихся произведений искусства, среди прочего, как раз и состоит в демонстрации проблемы, когда объект изображается в особом живописном контексте, тем самым нарративизируется и воплощается в смысложизненных ценностях. В этом плане не случайно метамодерн фиксируется прежде всего в изобразительных и повествовательных жанрах, где созданный образ легко можно не столько осмыслить, сколько прочувствовать, сопережить вместе с автором и его героями. Не случайно метамодерн делает упор именно на проживании предлагаемых образов.

Этому способствует и перегруженность метамодернистских произведений многообразными деталями, что порой затемняет нарративный стержень. Перегруженность сюжетов, описаний, деталей не новость в искусстве и литературе. Достаточно вспомнить барокко или рококо с их вниманием к деталям, которых нагромождалось немало. Вообще, своеобразный возврат к прошлым образцам характерен для искусства, хотя, разумеется, этот возврат всегда относителен, возврат на иной ступени, в ином культурном контексте, в новом качестве. А.Миллер прямо заявляет о своей любви к Караваджо и даже его мотивы использует, но нарративы у него другие, а вот метанарративы подчас сходны, поскольку высшие ценности вечны.

В человеческом сознании образы не могут вытеснить тексты. Текст, даже «высоконаучный», без образа не существует. Другое дело, что образ может быть неадекватен научной абстракции, но это не отменяет их взаимосвязи. Точно также не может быть образа без текста, поскольку он осмыслен, а значит, «проговорен», как минимум, внутренней, свернутой речью. Живописные полотна, как, впрочем, и некие фрагменты реальности, для наблюдателя (зрителя) ничего не значат, они даже нередко и не воспринимаются, пока им не будет придан определенный смысл, пока они не встанут в определенный контекст и дискурс, и пока они не превратятся в

«рассказываемые» события.

Вообще говоря, по-видимому, всякое художественное полотно как изображение погружено в один из двух нарративных контекстов, которые взаимосвязаны, но все же весьма различны: 1. изображение как переописание реальности, куда, скорее всего, попадает живопись как эстетизация реальности. 2. изображение как сохранение реальности (индивидуальная или историческая память).

И описание и переописание реальности всегда подразумевает определенные метанарративы с их высшими ценностями. Что же касается метамодерна то он пытается возродить не просто любые метанарративы, а именно метанарративы Нового времени, опрометчиво развенчанные постмодерном, но без которых человечество оказывается не очень-то человечным. Действительно, определенные метанарративы модерна аккумулируют в себе высшие ценности: гуманизм, истину, добро, красоту и прочие общечеловеческие цивилизационные идеалы. Они фиксируют не то что изменяется, а то, что сохраняется и способствует сохранению, и в этом смысле вечное и всеобщее, направляющее человечество к высшим разумным целям. По сути, только это способствует выживанию, существованию, развитию человечества. Метанарративы в значительной степени созданы искусственно, рационально, вопреки животной, чтобы не сказать звериной, сущности человека, которая способна погубить его своими деструктивными проявлениями. Свое воплощение они как раз и нашли в идеалах Просвещения, в проекте модерна, хотя, разумеется, истоки прослеживаются и в древних мифах, и в идеалах античности и Возрождения, и в моральных нормах христианства, буддизма, ислама и других религий. Нас не должна смущать кажущаяся искусственность, надуманность, литературность метанарративов, проявляющаяся и в отборе и упорядочивании лишь некоторых ценностей, и в их направленности к сознательно отобраннным целям, и в их сюжетном построении, и в прочих проявлениях нарративности. Это неотъемлимые свойства нашего понимания окружающего мира и себя самих. Даже объективные научные знания, призванные выйти на ненарративный уровень, в конечном счете, вписываются в нарративные структуры, а не наоборот. Зачастую метанарративы и нарративы приобретают свернутый характер, уплотняясь в ценностных категориях.

Однако, возникает важнейший вопрос: какие именно метанарративы уместно сохранить или возродить? Идеологические или исторические метанарративы, пронизанные современными мифами обычно весьма красивы, успокаивающие, даже убаюкивающие, заставляющие порой гордиться тем, чего следовало бы стыдиться, позволяющие преодолеть индивидуальные и национальные комплексы неполноценности. Разумеется, непросто определить конкретные критерии выбора и разграничения нужных и ненужных, правильных и неправильных метанарративов. Однако общий, принципиальный, исходный критерий очевиден. Это общечеловеческие ценности, а не ценности отдельных групп или маргинальных идеологий.

Идеологические метанарративы неотделимы от современных мифов.

Мифотворчество в идеологической плоскости весьма эффективно. Красивые абстрактные понятия персонифицируются на обычных людях и событиях или, наоборот, последним придается особый сакральный или негативный смысл. Все это чрезвычайно опасно, поскольку погружает человека в выдуманный нереальный фантастический мир, из-за чего реальность вызывает недоверие и неприятие. Мифологические образы воспринимаются как реальность, и обычно в них верят не только простые люди, но и сами творцы мифов. Мифотворчество позволяет представить частный интерес некоторой властной группировки как общезначимый: общенациональный или даже общечеловеческий. Этому служат соответствующие ценности, взятые на вооружение из общечеловеческого или национального арсенала прошлого, или специально придуманные. Обычно они несостоятельны с научной точки зрения, часто смехотворны, но воспринимаются всерьез многими людьми по разным причинам. Среди них и плохая информированность, и недостаток знаний, и социально-психологические комплексы и др. Идеологические нарративы имеют порой серьезное теоретическое обоснование, как, скажем в марксизме. Возникает иллюзия научности таких нарративов и они легко усваиваются даже образованными людьми, а в упрощенном виде значительной частью населения, причем не только через идеологические каналы, но и через образовательные структуры, литературу и искусство, повседневные практики.

Сейчас уже очевидно, что опасность идеологических нарративов возрастает многократно в тоталитарном или авторитарном обществе, когда они провозглашаются истинным знанием и становятся основой политики и вообще отношения людей к происходящему. Ее опасность не всегда ощущается индивидуальным и массовым сознанием благодаря многочисленным мифам, особенно историческим, которые расцветают пышным цветом в условиях, когда иные мнения запрещены или вытесняются из фокуса общественного внимания.

Научная идеология невозможна по определению, поскольку идеология всегда есть выражение того или иного интереса, а наука должна быть беспристрастной, объективной. Актуально в этом отношении высказывание выдающего ученого, теоретика истории, специалиста по исторической памяти А.Мегилла: «Одна из функций исторической профессии состоит в том, что она всегда должна сопротивляться политической сиюминутности и исследовать прошлое с осторожностью и тщательностью, не обращая внимания на возможные последствия» [6].

Вдохновители метамодерна в своих замыслах пытаются дистанцироваться от идеологии: «Мы предлагаем прагматический романтизм, свободный от идеологического крепежа» (8). Сумеет ли метамодерн на практике поставить серьезный заслон идеологическим метанарративам с сомнительными ценностями и официально-государственному мифотворчеству?

Заключение и выводы.

Возрождение метанарративов, предложенное и реализуемая метамодерном заслуживает внимания, поскольку в целом означает возвращение к общечеловеческим ценностям, провозглашенным еще модерном и осмеянным

постмодернистской иронией. Однако метанарративы могут воплощать не только общечеловеческие ценности, но и идеологические мифотворческие практики, которым нужно поставить надежный заслон.

Литература:

1. Афанасов Н. (2019) *В поисках утраченной современности*. Социологическое обозрение. Центр фундаментальной социологии. Т.18 №1. С. 256-265.
2. Афанасьев А.И. (2017) *Фотография и нарратив*. Пере-пост. Философский журнал. № 3. Одесса. URL: http://philosophy-multidimensionality.com/index.php?option=com_content&view=article&id=238
3. Еко У. (2018) *Им'я Рози*. Харків. Фоліо. 508 с.
4. Кардаш В. (2019) *Критика философских оснований метамодерна*. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:ВКРJSHB kysJ:https://syg.ma/%40insolarance-cult/kritika-filosofskikh-osnovanii-mietamodierna+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=pl>
5. Лиотар Ж.-Ф. (2010) *Стан постмодерну*. URL: https://chtyvo.org.ua/authors/Lyotard_Jean-Francois/Sytuatsia_postmodernu/
6. Мегилл А. (2007) *Историческая эпистемология*. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 480 с., с. 103.
7. Михайлова Л. (2019) *Эссе о метамодерне в трех частях*. URL: <https://syg.ma/@lubasta/essie-o-mietamodiernie-v-triekh-chastiakh-chast-i-sostoianiie-mietamodierna>
8. Тернер Л. (2011) *Манифест метамодерниста*. URL: <https://www.livelib.ru/work/1002631584-manifest-metamodernista-lyuk-tjorner>
9. Vermeulen T., van den Akker R. (2015) *Misunderstandings and clarifications*. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/06/03/misunderstandings-and-clarifications/>

Abstract. Art, which calls itself metamodern, seeks reconstruction, the revival of discourse, great stories, such as the revival of myth. The revival of myth takes place as an immersion in the depiction of modern situations of mythical images and plots, as in the paintings of the famous modern American artist Adam Miller. The intersection of ecological, humanitarian themes with mythical images makes us feel, experience and comprehend the fragility of life in modern conditions. A kind of roll call of epochs involves the roll call of moral values, transient and imperishable. Such an approach in art can be described as a kind of liberation of humanity, humanity, and universal values in general from the press of postmodern total irony. A kind of sincerity, honesty is expected.

The narrative of the author's idea, as well as the spectator's narrative-interpretation, are necessarily related to the socio-cultural features of this era and can be developed as a kind of metanarrative, which sees the values of this era or universal values.

Metamodern implies the revival of those metanarratives of humanity, humanity, intelligence, morality, aesthetics, which were inherent in modernism and against which postmodernism rebelled.

However, the most important question arises: which metanarratives should be preserved or

revived? Ideological or historical metanarratives that are permeated by modern myths are usually very good. They help to overcome individual and national inferiority complexes. But they are dangerous because they immerse a person in a fictional world. The danger of ideological narratives increases many times over in a totalitarian or authoritarian society, when they are proclaimed as true knowledge and become the basis of politics and people's attitudes to what is happening. Their danger is not always felt by the individual and the mass consciousness due to numerous myths, especially historical ones, which flourish in lush flowering in conditions when other thoughts are forbidden or pushed out of the focus of public attention. Myth-making allows us to present the private interest of some power group as universal: national or even universal. There is an illusion of scientific narratives, and they are easily assimilated even by educated people, and in a simplified form by a large part of the population, not only through ideological channels, but also through educational structures, literature and art, everyday practices.

It is not easy to define specific criteria for selecting and distinguishing between necessary and unnecessary, correct and incorrect metanarratives. However, the general, important, initial criterion is obvious. These are universal values, not the values of individual groups or marginal ideologies.

Key words: metamodern, metanarratives, values, myths.

Статья отправлена: 25.10.2022 г.
© Афанасьев А.И., Василенко И.Л..